

ИСТОРИИ

Стивен Коткин — автор одной из самых известных биографий Сталина. За 40 лет изучения истории России он понял: лидеры страны веками выбирали проигрышные стратегии Мы узнали у него, есть ли шанс выбраться из этой колеи

— В статье о сценариях будущего для России вы проводите параллели между Владимиром Путиным и Иосифом Сталиным. Вы пишете, что при всех различиях такое сопоставление все же может быть наглядным и полезным. В чем?

— Сравнивать Путина со Сталиным вообще-то плохая идея. Сталин — в одной категории с Гитлером и Мао, больше в ней никого нет. Так что в таких сравнениях следует быть осторожнее. В то же время Путин буквально сидит в том же здании, что и Сталин, — в кремлевском Сенатском дворце, построенном в XVIII веке при Екатерине Великой. Это неплохая отправная точка, чтобы

попробовать найти между ними что-то общее, даже несмотря на то, насколько они разные и несопоставимые.

Оба сталкивались с похожей задачей. Ее можно сформулировать следующим образом: управлять Россией так, чтобы она была глобальной державой, крайне сложно. Вам хочется, чтобы ваша страна была великой, но в сравнении с другими игроками вы более слабая держава, не лидер. То есть у вас есть разрыв между устремлениями и реальными возможностями. Как быть с этим разрывом? Запад богаче, могущественнее, свободнее, и для вас это очень болезненно. Что делать?

Ответ России долгое время заключался в том, чтобы направить усилия на укрепление государства — чтобы то смогло заставить российский народ соревноваться с Западом, модернизировать страну, догонять мировых лидеров и таким образом сокращать тот самый разрыв между устремлениями и возможностями.

Проблема этой стратегии в том, что в России никогда не удавалось построить сильное государство. Вместо этого ее лидеры все время только укрепляли свою власть, а потом отождествляли собственную судьбу с судьбой всей страны. Все это воспроизводилось веками — и мы видим все то же самое в сегодняшней России.

Да, форсированная модернизация может принести краткосрочные успехи, подстегнув экономический рост.

Но потом страна все равно упрется в тупик и скатится в стагнацию. То есть в конечном итоге попытка построить сильное государство дает обратный результат: оно ослабевает, отставание от Запада усиливается, и вы делаете свою державу все менее могущественной. Государство деградирует в персоналистский режим, где единоличный лидер подменяет собой всю страну, если не цивилизацию.

Такие лидеры убеждены, что, если с ними что-то случится, России — конец: надежды не останется, страну расчленят и она исчезнет. А пропаганда подпитывает эту их уверенность. Все это ложь, но, как я уже сказал, мы видим ее снова и снова: и в царской России, и в Советском Союзе, и в постсоветской России, и теперь при Путине.

Возвращаясь к вашему вопросу: Сталин убил 18 миллионов⁽¹⁾ своих граждан, при нем произошло гитлеровское вторжение — так что, конечно же, нельзя говорить о сходстве Путина и Сталина. И тем не менее мы видим исторический паттерн. Он воспроизводится в различных версиях, но суть остается той же: лидеры снова и снова выбирают заранее проигрышную стратегию. Проигрышную и для России как для мировой державы, и для россиян — ведь расплачиваются за эту стратегию именно они.

— А если бы российским лидерам все же удавалось укрепить не свое личное правление, а государство,

сделать его сильным, это была бы успешная стратегия?

— Повторюсь: управлять Россией так, чтобы она была великой державой, притом что она слабее стран-лидеров, — огромный вызов для любого правителя, хоть демократического, хоть авторитарного, но менее репрессивного, чем Путин. Дело в том, как именно мы понимаем могущество. В современном мире оно прежде всего подразумевает инвестиции в граждан своей страны, в человеческий капитал. Россия же вместо того, чтобы вкладываться, разрушает его. Она вытесняет талантливых людей — в Латвию, Армению, Израиль и другие страны. Это ошибка. И это подрывает статус страны как великой державы.

Если вы хотите быть могущественной страной, вам также необходимо вкладываться в инфраструктуру — физическую, цифровую. Во все, что дает людям возможность применить свои таланты, чтобы развивался человеческий капитал, чтобы открывались новые бизнесы, создавались рабочие места. Чтобы граждане придумывали, как решать проблемы и трудности, которые мешают обществу процветать.

Кроме того, вам нужно инвестировать в госуправление, повышать его качество и эффективность. Нужно делать госаппарат менее коррумпированным, менее

репрессивным — так, чтобы он работал на благо людей в стране, создавал для них возможности.

Если же вы не инвестируете в человеческий капитал, не строите инфраструктуру, не улучшаете госуправление, в соревновании великих держав в современном мире вы проигрываете. Мы видим, как Россия теряет свой человеческий капитал, как разваливается ее инфраструктура, построенная еще в советские времена, как низок уровень доверия в обществе, как деградирует ее государственный аппарат, коррупция разъедает институты. Даже если бы какой-то другой лидер правил чуть эффективнее, чем Путин, в реалиях современного мира это все равно был бы проигрышный путь.

Кто-то возразит: «Но посмотрите на Китай! Им-то все удастся!» Но вообще-то Китай инвестирует в своих граждан — да, в небольшую прослойку, но зато многие из них, получая образование за рубежом, возвращаются на родину. В Китае строится разнообразная инфраструктура — и она потрясающая! Но главным вызовом остается низкое качество госуправления.

Все ждали скачка китайской экономики после пандемии — похоже, напрасно

Кто-то называет китайский авторитарный режим эффективным, но это не так. На самом деле политический режим — его главная проблема и главное препятствие для того, чтобы страна вышла на качественно новый уровень развития. Режим душит динамизм, который есть в китайском обществе, предпринимательский дух людей этой страны, экономический рост.

Даже если вам кажется, что китайская модель хорошо работает, потому что там есть инвестиции в инфраструктуру и человеческий капитал, следует помнить: имея некачественное госуправление, трудно конкурировать с мировыми державами. И ведь Китай тоже теряет свой человеческий капитал. Самые талантливые, образованные, предприимчивые и богатые уезжают из страны. Если вы хотите вырваться вперед в гонке с глобальными лидерами, это плохой знак.

Так что какими бы впечатляющими ни казались успехи Китая, он уже уперся в тупик. Успехи России менее впечатляющи, и она тоже в тупике. Когда вы хотите быть

великой державой, есть большой соблазн укреплять государство. Но на самом деле надо заниматься другим. Надо давать гражданам своей страны возможности и инфраструктуру. Именно они будут творить великие дела.

— Этот соблазн возникает потому, что правителю кажется, что сильное государство — надежный способ удержаться у власти?

— Да, в современном мире те же самые факторы, которые помогают преуспеть на мировой арене, представляют угрозу для авторитарного режима. Именно поэтому мы видим, как такого рода режимы пытаются проводить реформы, но быстро сворачивают их. Ведь чем более открытой становится страна, чем больше возможностей получают люди — тем больше появляется угроз для режима.

И что же они делают вместо этого? Они тратят колоссальные средства на армию и спецслужбы — кстати, тем самым забирая у своих граждан ресурсы на личное потребление. То есть они заставляют население страны платить за свои решения, а потом еще и нападают на соседнее государство.

Все это вредит России, и именно об этом я пишу [в своих статьях]. Ведь я пишу с пророссийских позиций!

Я не против России, я за нее! Я посвятил всю свою жизнь

изучению России, годами жил там, объездил страну от Магадана до Нижнего Новгорода, был во Владимире, Суздале, Петрозаводске, Кижях — я могу продолжать этот список очень долго. Россия — страна феноменальной культуры. Дух захватывает от ее искусства, литературы, живописи... Или вот Булгаков, Гоголь — даже люди, родившиеся не в самой России, считали ее культуру великой и писали на русском языке. Да, имперском, но в то же время языке мировой культуры, мировой цивилизации.

Репрессии, депортации народов, ГУЛАГ — да, все это было, я же сам про все это пишу. И тем не менее Россия — особенная страна. И мне больно видеть, как она терпит крах, как ее руководство выбирает проигрышную стратегию, путая свою диктатуру с судьбой страны. Я за Россию, и поэтому меня беспокоит ее будущее.

ЕЩЕ О ТОМ, КАКИМ МОЖЕТ БЫТЬ БУДУЩЕЕ РОССИИ

Многие верят: когда Путин умрет, война закончится, его режим рухнет — а следом наступит Прекрасная Россия Будущего. Так и будет?

— Прежде чем мы перейдем к тому, что вы думаете о будущем России, еще один вопрос об истории.

Надеюсь, скепсис этого вопроса не уязвит вас как историка. Мы очень часто видим параллели с событиями прошлого, но, кажется, с ними следует быть очень осторожными. Можно ли вообще полагаться на исторические сравнения при анализе текущих событий и сценариев будущего?

— Знаете, многие люди жалуются, что плохо разбираются в истории. Зачастую это и правда так. Далеко не все хорошо знают историю, но есть еще более серьезная проблема, чем невежество, — это фейковая история, некорректные аналогии, злоупотребление «историей». Мы видим, как этим пользуется режим Путина.

Нужно хорошо знать историю — но именно историю фактов. Эта наука должна подталкивать к смирению, а не к высокомерию. Следует понимать, в чем отличия настоящего от прошлого, а не только что общего между ними. Мы можем видеть устойчивые исторические паттерны, но также должны отдавать себе отчет, когда эти паттерны не работают.

Скажем, если бы вы жили во Франции где-то с XI по XVIII век, вы могли бы быть уверены, что ваша страна обречена навсегда остаться абсолютной монархией. Вам бы казалось, что этот паттерн никогда не удастся переломить, и вся история казалась бы вам предрешенной. Но из сегодняшнего дня вы понимаете, что это не так. Так что нужно быть очень внимательными, чтобы не превратиться в исторических детерминистов. Даже когда мы думаем, что видим некий паттерн, мы должны подтвердить его качественными данными. И гордыня

не должна мешать нам заметить отклонения от этого паттерна.

Например, сейчас, когда речь идет о полномасштабном российском вторжении в Украину, мы слышим очень много исторических аналогий. О любых переговорах вокруг Украины часто говорят как о новом мюнхенском «сговоре», когда [премьер-министр Франции Эдуар] Даладье и [премьер Великобритании Невилл] Чемберлен отдали Гитлеру Судеты⁽²⁾ и расчленили Чехословакию.

Проблема с этой аналогией в случае Украины в том, что Путину никто ничего не отдавал — он все забрал сам. Крым, восточную часть Донбасса, Азовское море. Более точная аналогия — это не Мюнхен 1938-го, а Польша⁽³⁾ в 1939-м. Тогда Гитлер захватил ее бóльшую часть, Сталин забрал оставшееся. А когда Великобритания и Франция объявили войну, это уже ничему не помогло.

Конечно, это тоже несовершенная аналогия, но, на мой взгляд, все же более точная. Так что вы видите, как легко ошибиться, и часто заблуждение будет не просто аналитическим провалом.

**Путина уже можно считать диктатором?
У оппозиции когда-нибудь были шансы его
свергнуть? И появятся ли они в будущем?**

**— Вы имеете в виду, что неверные выводы
из ошибочных исторических аналогий делают
не только комментаторы и аналитики, но и те, кто
принимают политические решения?**

— Да, именно так. История может быть очень полезной для того, чтобы понять, каковы возможные опции при проведении той или иной политики и каковы ограничения. Вообще, вся жизнь — это в той или иной мере применение какой-то области истории на практике. Когда вы идете на прием к врачу, он расспрашивает вас о вашей истории болезни и, чтобы определить, на что похож ваш случай, использует накопленные знания о прочих историях болезней. Если врач неверно интерпретирует вашу историю или некорректно применит знания, он может вынести неправильный диагноз и назначить неподходящее лечение.

Или возьмем экономику и финансы. Финансовый анализ и политика в этой сфере ведь тоже основываются на исторических данных. Что мы знаем о прошлых всплесках инфляции? Что их вызвало? Как тогда удалось побороть повышенную инфляцию? Почему в прошлом росла или снижалась безработица? Все это исторический анализ. Экономисты и политики смотрят на прошлое, чтобы выбрать лучшие меры для текущей ситуации, и если они неправильно понимают историю, то могут принять ошибочное решение.

Разумеется, политические решения могут приниматься и под влиянием структурных факторов, которые зачастую очень трудно преодолеть. Но чаще всего, когда мы говорим о пространстве возможного и об ограничениях в той или иной политике, мы полагаемся на исторический анализ — в самых разных сферах. Даже в спорте, когда вы анализируете, как лучше действовать во время игры. Скажем, в футболе вы изучаете предыдущие матчи соперника, чтобы определить, как лучше против него играть.

Так что совершенно нормально изучать исторический опыт в какой бы то ни было сфере и таким образом выстраивать свою стратегию действий.

Другой вопрос, что делать это следует полагаясь на факты и с большой осторожностью. История, насыщенная

мифами, — плохая основа для политических решений, как мы могли убедиться в случае с режимом Владимира Путина и его агрессией против Украины.

— Вы однажды сказали, что Запад еще до полномасштабной войны России с Украиной оказывал недостаточно сильное давление на Путина. А что западные лидеры могли бы сделать? И могло ли это что-то изменить — в смысле предотвратить нападение на Украину?

— Знаете, очень просто критиковать политические решения задним числом. Легко быть гением, когда вы оглядываетесь назад в прошлое. Но ведь те, кто принимают политические решения, делая это, пытаются заглянуть в будущее. А это всегда сложнее. Да и легко осуждать, сидя в своем кабинете в Стэнфорде, когда на вас не лежит такая же ответственность, как на людях в коридорах власти.

С учетом вышесказанного я бы отметил следующее. После 1991 года все на Западе понимали, что значение России на международной арене уменьшилось. Этот крах осознавали и в России. Можно дискутировать о его причинах, но отрицать факт бесполезно. Что же из этого следует? Каковы были опции во внешней политике Запада? Тогда большинство лиц, принимающих решения, считали, что следует в полной мере использовать этот триумф Запада и проигрыш России.

Одной из причин такого выбора было то, что многие из стран, которые до окончания холодной войны находились под влиянием Советского Союза, сами жаждали стать частью западного мира. И их ведь никто не заставлял, никто не пытался обманом завлечь под влияние Запада, подальше от России.

Это и балтийские государства, и восточноевропейские страны, которые принято было называть «сателлитами»⁽⁴⁾

СССР. Все они очень хотели присоединиться к клубу западных держав — по соображениям безопасности вступить в НАТО, экономически и культурно стать частью Евросоюза. Все это в любом случае невозможно было предотвратить, да и не следовало — ведь это свободные, суверенные государства. Пытаться помешать им было бы колоссальной стратегической ошибкой. Кроме того, это было бы неверно с точки зрения морали — нельзя было мешать им пожинать плоды западного триумфа, это противоречило бы ценностям международного порядка, который тогда установился.

Но одновременно встал вопрос: а что же делать с Россией? Ведь она не исчезнет с лица земли, надо как-то выстраивать с ней отношения. Тогда шло множество споров — и в США, и в Европе, и в самой России. Было не до конца понятно, чего хотят россияне, а чего — американцы, и так далее. Было много обсуждений, стоит ли принять Россию в НАТО. Но это было возможно только до тех пор, пока в НАТО не вступили страны Балтии и Польша. Как только они стали частью Североатлантического альянса и Евросоюза, вступление России стало невозможно, ведь они сразу наложили бы на него вето.

Итак, стало понятно, что Россия не вступит в НАТО, но все же найти какие-то основы для сотрудничества страны и Запада было возможно. Помните, как после

террористической атаки на США 11 сентября Владимир Путин позвонил Джорджу Бушу и предложил свою помощь? Фактически Путин тогда сказал, что готов вместе с США бороться с терроризмом, который был угрозой и для Америки, и для России.

Но на каких условиях он был готов на такое сотрудничество? Путин хотел, чтобы постсоветское пространство признали сферой влияния России. То есть чтобы страны бывшего СССР и вообще социалистического лагеря не могли стать частью международных институтов под началом США и Европы.

Но ни один американский президент, ни одна администрация США не может согласиться с таким нарушением суверенитета. Никто не может сказать: «Окей, делайте с Украиной или с Казахстаном, что хотите. Мы будем вместе бороться с терроризмом, а вы доминируйте в своей сфере влияния». Власти США не могут так поступить не только из-за политических ограничений, в рамках которых они должны действовать, но и потому, что это противоречит базовым ценностям, которые отстаивает Запад.

Так что эти дискуссии России и Запада зашли в тупик. В этой связи Генри Киссинджер⁽⁵⁾ или сторонники его идей⁽⁶⁾ могли бы сказать, что можно согласиться на раздел сфер влияния ради стабилизации в отношениях мировых держав. Но в американском контексте крайне трудно отстаивать такую позицию. В конечном итоге не оставалось никакой основы для выстраивания глубоких отношений России с Западом. И это была очень опасная ситуация. А потом Путин выступил со своей знаменитой мюнхенской речью 2007 года, в которой он обвинил Запад в экспансии в ущерб России и сказал, что не намерен это терпеть.

Потом была война с Грузией, которую бездумно спровоцировал⁽⁷⁾ Саакашвили, дав Путину возможность вторгнуться в Абхазию и Южную Осетию, потом аннексия Крыма и все последующие события, которые привели к войне 2022 года. То есть основы для сотрудничества России с Западом на условиях, которые бы были приемлемыми для обеих сторон, обнаружить так и не удалось. Хотя, вероятно, следовало бы найти какой-то формат взаимодействия, чтобы не давать России стимула проявлять агрессию, к которой ее подталкивал ресентимент по поводу усиления Запада.

Иными словами, если Россия ощущает, что ей не дают слова при обсуждении миропорядка, у нее появляются стимулы вести себя как ледокол, который готов прорываться сквозь этот глобальный порядок, круша его на своем пути. Но эта позиция России на мировой арене очень опасна для западных стран, ведь российские власти могут считать, что терять уже нечего. Это серьезный вызов, с которым не справилась ни одна из сторон — ни Запад, ни РФ.

Можно долго говорить о новейшей истории их отношений, но я хотел показать главное: все попытки выстроить сотрудничество провалились и никто не смог предложить альтернативу. Главной идеей США стало что-то вроде: «Давайте действовать так, будто Россия совсем не важна

или ее вовсе нет. Мы не можем починить эти отношения — так давайте просто пренебрегать ими».

Путин ответил на это вмешательством в американские выборы. Он будто бы сказал Америке: «Вы пытаетесь меня игнорировать — так вот же я, здесь рядом, и вам никуда от меня не деться!» Это шокировало американский истеблишмент, хотя все к тому и шло: у России не было стимулов к сотрудничеству, зато очень многое подталкивало ее к тому, чтобы стать тем самым ледоколом, который крушит глобальные правила игры. К сожалению, именно в такой ситуации мы оказались к началу 2022 года.

Теперь же, начав полномасштабную войну с Украиной, Россия окончательно сожгла все мосты — больше нет простых способов помириться с Западом. И не только из-за зверств, которые Россия совершает в Украине. Теперь постсоветские страны с жесткой антироссийской позицией тоже стали частью западного мира. И даже если в России когда-нибудь придет к власти демократический лидер, Польша или Эстония вряд ли будут готовы выстраивать с ним партнерские отношения. Это тоже очень опасная ситуация.

Опять же легко критиковать задним числом, но, если попытаться смотреть в будущее, становится понятно, насколько это сложная проблема. Именно поэтому

я и считаю важным анализировать сценарии будущего для России.

Подробнее о сценариях будущего, которые описывает Коткин

В статье для Foreign Affairs, опубликованной в апреле 2024 года (есть также версия на русском), Стивен Коткин описывает пять сценариев будущего для России:

1. «Россия как Франция» — постепенное превращение в демократическую страну, которая сумела примириться со своим монархическим прошлым и развить современные правовые и экономические институты.
2. «Россия окапывается» — приход к власти нового авторитарного лидера с националистическими взглядами, но ради усиления России на мировой арене он готов закончить войну с Украиной и налаживать отношения с Западом.
3. «Россия — вассал?» — этот сценарий предполагает, что Россия станет полностью зависимой от Китая экономически и политически, но Коткин называет его не самым вероятным из-за нежелания Китая брать на себя такую геополитическую ответственность.
4. «Россия как Северная Корея» — это разновидность вассальной зависимости от Китая, но при еще большей

изоляции России от остального мира и усилении репрессий внутри страны.

5. «Россия в хаосе» — сценарий распада России под гнетом внутренних противоречий, которые усилятся из-за «черных лебедей». Такими могут стать мятеж, природная или техногенная катастрофа, естественная смерть лидера страны или его убийство.
-

— Поговорим о сценариях, которые вы обрисовали. Один из них кажется довольно опасным, хотя вы описываете его чуть ли не как оптимистичный: приход к власти нового авторитарного лидера с националистическими взглядами, но при этом выступающего против войны с Украиной и готового улучшить отношения РФ с внешним миром ради экономических и политических выгод. Вам не кажется, что это рискованный сценарий? Ведь, набравшись сил, такой политический режим, следуя за ресентиментом, может спустя пару лет развязать новую войну.

— Вы спрашивали, действительно ли Западу не удалось сдержать Владимира Путина. Да, мы были недостаточно сильны, оппонируя ему, и сдерживание действительно провалилось. Но вы могли заметить, что, отвечая, я в основном говорил о дипломатии. Я мог бы уделить больше внимания военному сдерживанию, но я говорил о дипломатических способах выстраивания отношений,

которые должны быть дополнением к сдерживанию военным путем. Успешная внешняя политика — это сочетание двух компонентов: дипломатии и силового сдерживания. Если вы задействуете только одну из этих составляющих, вам не удастся получить эффективный результат. Вам нужно постоянно вести переговоры, но желательно делать это из сильной позиции.

Вы не можете усилием воли заставить Россию, Китай или Иран исчезнуть с этой планеты. Вам придется жить с ними, делить с ними земной шар. Вопрос в том, на каких условиях. Если эти условия предполагают военное вторжение и оккупацию или аннексию чужой территории — они неприемлемы. То есть при помощи военного сдерживания вам нужно не допустить таких шагов, но вам также необходима дипломатия, которая даст этим проблемным режимам стимулы быть частью глобального миропорядка, а не пытаться его разрушить.

ЕЩЕ ОДИН ВЗГЛЯД НА ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И ЗАПАДА

Британский политолог Ричард Саква написал книгу о том, что Запад мог предотвратить российское вторжение в Украину — но не сделал этого из-за «новой холодной войны»

Но давайте вернемся к сценариям. Меня постоянно спрашивают, могла бы Россия стать демократической страной. Кто-то говорит, что да, кто-то — что нет, но это просто абстрактная спекуляция. Мало кто смотрит на институты, на то, каким путем Россия могла бы пойти к демократизации. И даже если речь про этот путь заходит, люди чаще всего рассуждают о конкретных персоналиях: «А что, если бы президентом вместо Путина избрали Немцова?» Будто бы отдельный человек, а не структурные факторы или исторические паттерны, о которых мы только что говорили, способен предопределить судьбу целой страны.

Я описываю [в своей статье] сценарий «Россия как Франция» — по сути, это способ ответить на вопрос о том, могла бы Россия стать демократией. То есть могла бы она повторить французский путь. Франция когда-то была абсолютной монархией. Кроме того, это государство с бюрократией, которая играет очень важную роль. У Франции есть традиция революций — кровавых и жестоких. А еще это была очень опасная для своих соседей страна.

Шли столетия, но Франция сохраняла уважение к своей монархической традиции. Это все еще очень забюрократизированное государство с большой долей государственного сектора в экономике.

Да и революционная традиция ощущается во Франции

по сей день. Но эта страна больше не грозит своим соседям, и это республика, а не монархия. Французы уважают и свою бюрократическую традицию, и революционную, но обеспечивают верховенство права. Они построили систему разделения власти, открытое общество, открытую рыночную экономику. Это невероятный успех!

Отвечая на вопрос о том, может ли Россия стать Францией, нужно помнить, что Франция прошла очень долгий путь, на котором было множество откатов назад. Монархия падала, восстанавливалась, перевороты, пять республик... Франции было не так-то просто стать нынешней Францией. Не поймите меня неправильно, Франция и Россия — очень разные страны. Но важно учитывать и различия, и сходства. Мало какие две страны мира так же похожи друг на друга, как эти две.

Следующий сценарий, и вы его упомянули в вашем вопросе, — это приход к власти националиста. Уже сегодня мы видим, что в России есть настроенные против Запада националисты, которых при этом беспокоит, что отставание РФ от западного мира нарастает. Это русские националисты, среди которых есть и люди по-настоящему ксенофобных взглядов. Они против равных прав для ЛГБТК+, против западных ценностей. Это традиционалисты, которые ощущают себя патриотами России. Они видят, что Россия проигрывает Западу,

и хотят, чтобы она усилилась, «окопалась» на новых позициях, сойдя с нынешней траектории. И хотят они этого не ради спасения Украины, а ради спасения России.

Это, конечно, не трансформация во Францию, как в первом сценарии. И все же национализм может в какой-то мере спасти ситуацию в России. Конечно, это не то, чего бы хотелось многим демократически настроенным россиянам, многим представителям российской диаспоры за рубежом.

Подумайте, например, о правлении Горбачева: он ведь не сам пришел к власти, его поставили туда Андропов и КГБ, которые в какой-то момент поняли, что отставание СССР от США и Запада увеличивается, нужно строить новую экономику, новые технологии появляются на Западе, и разрыв в уровне развития будет только расти. Они были патриотами и беспокоились за свою страну, именно поэтому они стали продвигать Горбачева и реформаторскую повестку. Не потому, что хотели стать Францией или уничтожить свою же систему, а потому, что были националистами.

ЕЩЕ О МИХАИЛЕ ГОРБАЧЕВЕ

«Прежде чем его судить, подумайте, какой выбор перед ним стоял»

Именно поэтому они решились на «передислокацию», чтобы отставание СССР не усиливалось, чтобы можно было инвестировать в людей и экономику, сделать Россию сильнее и конкурентоспособнее. Думаю, что в краткосрочной перспективе это наиболее многообещающий сценарий для России. Да, есть опасность, что на смену Путину придет кто-то еще более склонный к риску. И это не самый простой в реализации сценарий: ведь он подразумевает, что режим Путина уйдет в прошлое или кардинально изменится.

То есть придет некий новый националистический лидер или что-то заставит действующего российского президента заключить перемирие с Украиной на благоприятных для нее условиях, отказаться от антизападничества и начать инвестировать в развитие России и ее долгосрочную конкурентоспособность. Все это кажется нереалистичным. Но я считаю, что в таком будущем есть много хороших возможностей для России.

— В начале нашей беседы вы упоминали свойственное российским лидерам стремление сделать Россию великой державой и его противоречие с реальными возможностями страны. В то же время вы говорите, что Запад должен дать России понять, что она способна влиять на глобальный миропорядок. А не лучше было бы для будущего России отказаться от глобальных амбиций и жить жизнью обычной

небольшой страны, которую она собой и представляет, если судить по размеру ее экономики?

— Я думаю, что россияне должны сами решить, хотят ли они, чтобы их страна была великой державой. И конечно, управлять страной и ее местом в мире было бы намного проще, если бы российский народ предпочел, чтобы Россия перестала гнаться за мировым могуществом. Именно такой выбор когда-то сделали британцы, французы — и во многом именно поэтому теперь это богатые, процветающие, успешные страны. Хоть и у них есть масса проблем. Но при всех трудностях им все же удалось найти такой способ существования в современном мире, который не предполагает обязательного глобального доминирования.

Это мог бы быть и российский путь. Если бы Россия отказалась от великодержавных амбиций, превышающих ее возможности, ей было бы гораздо легче определить свое место в мире, снизить издержки, которые приходится платить россиянам. Это бы уберегло ее от многих неудач насильной модернизации, которая заставляет ее стагнировать.

Если бы россияне сделали такой выбор, возможно, России удалось бы переломить этот разрушительный исторический паттерн, в котором стремления не соответствуют возможностям, а лидеры пытаются

строить сильное государство — но вместо этого укрепляют собственную власть и ведут страну к катастрофе.

— А вы верите, что российское общество в какой-то момент действительно сможет отказаться от амбиций жить в сверхдержаве?

— Так не смогли поступить США, так не смог поступить Китай. Но это случилось в уже упомянутых мной Франции и Великобритании, а также в Германии и Японии. Они отказались от глобальных амбиций, которые были защиты в их культуре, и в случае с Германией и Японией сделали это на институциональном уровне. Да, для этого потребовалось сокрушительное поражение в мировой войне, а в случае с Великобританией и Францией — упадок их колониальных империй.

Говоря о России, можно представить, что она потеряет какие-то из своих имперских завоеваний и это подтолкнет ее к отказу от глобальных амбиций. Можно спорить, реалистичны ли такие территориальные потери, но это по крайней мере можно вообразить. Когда мы говорим о том, может ли что-то произойти или нет, всегда есть спекулятивная часть — это оценка вероятности события. Я предпочитаю полагаться на факты, анализировать институты и структурные паттерны, долгосрочные исторические тенденции. Но если мы зададимся вопросом,

может ли такое событие произойти в принципе, — то да, может. Тем более что такое случалось в прошлом.

Поворотной точкой для России также мог бы стать глобальный энергетический переход, то есть окончательный отказ от нефти и газа в мировой энергетике. Эффект от этого будет примерно таким же, как если бы Россия сама отказалась от амбиций сверхдержавы. Она лишится денежного потока, лишится возможности действовать так, как она действует сегодня.

Сейчас власть в России не ощущает своей зависимости от граждан, от экономического развития, потому что может зарабатывать на продаже углеводородов. Но если она лишится этого источника денег, ей придется открыть другие способы обеспечивать жизнь в своей стране. Например, такие как экономический рост или инвестиции в человеческий капитал. Это потребует непростых решений.

— Современные историческая и политическая науки очень западоцентричны — вам не кажется, что это создает опасные ограничения для анализа? Может быть, большинство западных аналитиков упускают из вида другие важные сценарии для России?

— Это очень хороший вопрос. Россия не западная страна, но это европейская страна, она часть европейской культуры. Западный мир — это прежде всего институты: верховенство права, разделение власти, свободная экономика, права человека, уважение к правам меньшинств. Это западная институциональная матрица. Россия — это Европа, но не Запад. А, скажем, Япония — это Запад, хоть, конечно, и совсем не Европа. Но у Японии есть все атрибуты западной страны — в институциональном и ценностном смысле.

Если посмотреть на страны, которым удалось добиться больших успехов [в экономическом развитии], мы увидим,

что ключ к этому успеху — стать западной страной. Это касается и Северной Америки, и Израиля, и Восточной Азии с Тайванем, Южной Кореей и Сингапуром, и Австралии. Для всех этих стран характерна западная институциональная матрица. Именно она обеспечивает процветание и динамичное развитие.

Да, есть исключения, например Китай. И это, конечно, значимое исключение. Китай нельзя считать западным в полном смысле, но это своего рода гибрид — ведь он смог извлечь выгоду из многих атрибутов западной институциональной матрицы.

Китайское экономическое чудо — результат трудолюбия и усердия жителей этой страны, их впечатляющего предпринимательского духа. Но это далеко не все. Такое чудо стало возможным благодаря первым инвестициям из Японии и Тайваня, затем — благодаря трансферу технологий из той же Японии, а также Европы и США. Огромную роль сыграл и финансовый центр⁽⁸⁾ в Гонконге, который регулируется в соответствии с британскими стандартами. Если бы не все эти факторы, никакого чуда бы не случилось — какими бы трудолюбивыми и предприимчивыми ни были люди в Китае.

Люди часто спрашивают: почему Горбачев не сделал как в Китае? Но у него не было Гонконга и много чего еще из тех западных институциональных особенностей,

к которым получил доступ Китай. У него была большая зарубежная диаспора, готовая вернуться на родину и инвестировать в нее.

Япония еще до США размещала свои производства в Китае, а Америка уже в 1980 году обеспечила ему режим наибольшего благоприятствования⁽⁹⁾ в торговле и помогла стране вступить в ВТО в 2001-м. У Китая был практически свободный доступ к американскому рынку. Через Тайвань и Гонконг в страну текли инвестиции, причем рыночные, а не управляемые коммунистической партией. Все это дало людям в Китае возможности сотворить их экономическое чудо.

Но что мы видим сейчас? Инвестиций из-за рубежа в Китай становится меньше, трансфер технологий замедлился, компартия разрушает финансовый центр в Гонконге. Сотрудничество с Западом обеспечило успех Китая, а сейчас режим в этой стране уничтожает основы этого успеха.

Можно говорить, что Запад часто поступает несправедливо, что он лицемерен и далеко не всегда следует своим же идеалам. И я со всем этим согласен. Но если посмотреть на историю и факты, мы не сможем спорить с тем, что именно западные институты — залог успеха. Россия может попробовать пойти этим путем, а может выбрать что-то другое.

Но надо помнить (и это актуально для многих представителей российских элит), что, если вы не часть Запада, вам совершенно необязательно становиться антизападниками. Вы можете решить, в чем состоит ваша собственная российская идентичность, и при этом воспользоваться преимуществами западных институтов. Это решение, которое могут принять или не принять российские элиты. Но мне очень больно видеть, что сейчас за их решения вынуждены расплачиваться и жители соседних стран, и сами россияне.

А ВОТ ЧТО ПРОИСХОДИТ ВНУТРИ ЭТИХ ЭЛИТ

**Почему правящие элиты не останавливают войну?
А крупный бизнес? Как в элите стали доминировать
силовики? Почему в 1990-х не произошла
перезагрузка власти?**

Маргарита Лютова

(1) 18 миллионов?

(2) О чем речь?

(3) Нападение гитлеровской Германии на Польшу

(4) Что это за страны?

(5) Генри Киссинджер

(6) «Реальная политика» («Realpolitik»)

(7) Спровоцировал?!

(8) Почему?

(9) Режим наибольшего благоприятствования